

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о коррумпированности российской правоохранительной и судебной системы, стал едва ли не самым обсуждаемым не только в средствах массовой информации, но и в профессиональных юридических кругах. И уж, по крайней мере, в среде тех, кто, так или иначе, оказывается по ту или иную сторону российского правосудия. Хотя сам термин «правосудие», происходящий от словосочетания «правый» то есть «правильный» суд, не очень-то годится для обозначения тех процессов и явлений, которые подвергаются критической оценке.

Масштабы коррупции при утрате профессионализма работников правоохранительной сферы достигли того предела, за которым целесообразность даже постановки вопроса о реформировании силовых ведомств, следствия, прокуратуры и суда становится сомнительной, не говоря уже о любых попытках навести здесь порядок. Не успела, к примеру, завершиться переаттестация сотрудников МВД, а министр провозгласить, что с коррупцией в ее рядах наконец-то покончено, как вся страна вновь была шокирована очередными, безумными по своей жестокости проявлениями полицейской изобретательности в «борьбе с преступностью». Переаттестованные охранители правопорядка «успешно» перешли с дубинок и «электрошокеров» на новые садистские способы добывания признательных показаний. Пример казанских полицейских, изнасиловавших весной 2012 года до смерти бутылкой из-под шампанского одного из задержанных, может стать заразительным. А недавно, в июле 2012 года страна узнала, как один из надзирателей колонии «Полярная сова» под пытками заставлял осужденных к пожизненному сроку лишения свободы признаваться в тяжких преступлениях, которых они не совершали. В общей сложности «находчивый» офицер ФСИН «раскрыл» 190 преступлений. В том числе «раскрытыми» оказались самые громкие убийства: президента Чечни Ахмада Кадырова, журналистов Пола Хлебникова и Анны Политковской. Чего не сделаешь ради славы и статистики.¹

На фоне злоупотреблений со стороны должностных лиц полиции, следствия, прокуратуры и суда, описанием которых переполнены средства массовой

¹ См., например: <http://lifenews.ru/news/97356>

информации, нелишне было бы ввести **презумпцию виновности** в делах о совершаемых ими преступлениях против правосудия. Во всяком случае, по сравнению с жертвами полицейского произвола, представителям правопорядка легче было бы обеспечить себе алиби от любых голословных обвинений в злоупотреблениях служебным положением. Например, если все действия полицейских фиксировать с помощью современных технических средств, обеспечивающих наглядность, полноту и адекватность их последующего восприятия. И тогда сотрудники полиции, честно и профессионально исполняющие свой долг, первыми возьмут в руки видеокамеры, чтобы «объективизировать» свою работу. При наличии наглядного подтверждения правомерности предпринятых полицией или следователями действий мало у кого из задержанных появится желание обвинять их в применении насилия к «подопечным», которого в реальности не было.

В борьбе с коррупцией сотрудников силовых ведомств и работников суда, видимо, недостаточно создавать даже самые эффективные методики расследования должностных преступлений. Так, любая разработанная в криминалистике и подтвердившая свою эффективность методика расследования, например, взяточничества, в новых российских условиях неизбежно будет «работать» избирательно. Многие из этих лиц в силу своего служебного положения оказались просто неуязвимы и поэтому недосыгаемы для уголовного преследования. Причины разные, в том числе установленный законодательством иммунитет для значительной части должностных лиц, наделенных властными полномочиями и призванных вершить правосудие от имени государства. Корпоративная солидарность, «высокое» покровительство, «руководящие указания», «телефонное право», соблазн быстрого обогащения при минимальных «трудозатратах» и прочие «реальности» отечественной практики борьбы с преступностью создают, в конечном счете, почву для экономической, политической и «корпоративной» коррупции в системе отправления правосудия. Традиционные способы ее преодоления явно недостаточны. Нужны, очевидно, новые подходы к решению проблемы, в том числе, с позиций криминалистической науки. Важно поэтому, наряду с традиционными мерами, думать о создании условий, при которых взяточники, коррупционеры, будут знать о неизбежном разоблачении и привлечении к ответственности. Или, по крайней мере, не смогут так легко, как сейчас, пользоваться несправедливо полученными средствами или безнаказанно демонстрировать свое благосостояние, обусловленное злоупотреблениями служебным положением. И не испытывать при этом угрызеный совести за приня-

тие заведомо неправосудных решений, абсурдность которых бывает, подчас, очевидна не только юристам, но и людям непосвященным. Безнаказанность, как известно, порождает новые преступления. А безнаказанность за преступления против правосудия, совершаемые теми, кто призван стоять на страже закона, порождает тотальное недоверие к власти, а произвол в системе государственных органов делает их деятельность подобной организованной преступной деятельности.

Читая материалы, отражающие масштабы взяточничества и иных должностных злоупотреблений в правоохранительной среде, создается порой впечатление, что полицейскую систему и систему российского правосудия легче упразднить, создав заново, нежели пытаться восстановить ее авторитет, утраченный, похоже, безвозвратно. По данным Левада-Центра» две трети опрошенных вообще не доверяют полиции.² Одним из самых постыдных для российского следствия и суда стали, на мой взгляд, даже не патологическая алчность отдельных их представителей, и даже не послушное, вопреки закону, исполнение команд высоких начальников, а стремление любыми способами защитить честь мундира. Здесь пострадавших от полицейского и судебного произвола может оказаться значительно больше. Демонстрируя солидарность с коллегами по принципу «своих не сдавать», коррумпированные правоохранители с легкостью липают свои «жертвы» свободы или имущества. Сколько сломанных судеб и жизней, причем не только тех, кто отбывает срок напрасно, но и членов их семей, родных и близких, никто точно не знает. По данным кримиологов количество неправомерно осужденных в стране весьма внушительно. Называют, например, цифру 100 000 человек.³

В одном из своих выступлений В.В.Путин назвал в числе наиболее для него авторитетных российских государственных деятелей Петра Первого и Екатерину Великую. Учитывая нашу современную российскую реальность, было бы неплохо заимствовать некоторые из законоположений эпохи их правления. Так, в екатерининском «Учреждении о губерниях» (1775 год) говорилось, что *«прокуроры и стряпчие должны предъявлять доношения и уголовные иски только тогда, когда имеют на то ясные доказательства или сильные улики»*.⁴ При отсутствии таковых надлежало руководствоваться правилом, сформулиро-

² См., например: <http://fsin.ucoz.ru/forum/49-73-268>; <http://lifenews.ru/news/97356> и др.

³ <http://rg.ru/2012/06/26/detektor.html>

⁴ Цит. по: Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. – М: 2001. (репринт: Одесса: 1849). С.135.

ванным в «Кратком изображении процессов и судебных тяжб», изданном в качестве приложения к Воинским Уставам Петра Великого (1716 год): «... понеже лучше есть десять виновных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить». ⁵ Позже этот принцип распространили на все виды совершаемых преступлений, закрепив в Своде Законов Российской Империи.

Законодательство времен кумиров нашего президента предусматривало и ответственность за нарушение этих положений. «За умышленный неправильный уголовный иск, - говорилось в екатерининском «Учреждении о губерниях», - стряпчие и губернские прокуроры подвергаются платежу всех убытков, лишению их мест и сверх сего тому наказанию, под которое старались подвести обвиняемого». ⁶ Замечательный пример законодательного решения проблемы борьбы с коррупцией в сфере правосудия.

Одна из причин безнаказанности служителей «закона» за вынесение неправосудных решений видится, помимо прочего, в том, что в этой сфере деятельности всегда ревностно охранялась тайна процедуры их принятия. Возможность ознакомиться, например, с материалами уголовных дел имели считанные единицы участников судопроизводства, а раскрыть их содержание для публичного обсуждения или независимой профессиональной оценки было делом практически невозможным. Я вспоминаю первое уголовное дело, которому я как специалист в области криминалистики давал оценку по запросу адвоката. Шел 1996 год. Я сидел в канцелярии районного суда и знакомился с материалами дела, которые мне передал адвокат, получив их под предлогом подготовки к кассационному рассмотрению его жалобы на обвинительный приговор. По этому приговору один молодой человек был осужден за, якобы, совершенное им ограбление. По результатам анализа процессуальных и иных документов у меня не оставалось почти никаких сомнений в ошибочности принятого районным судом решения. Подготовленное мною заключение адвокат представил в суд кассационной инстанции. Приговор был отменен и дело направлено на новое рассмотрение. Но показательным стало даже не разочарование судьи отменной вынесенного им приговора, а та реакция, которая последовала с его стороны. Работникам канцелярии судья устроил настоящий скандал, возмущаясь тем, что они позволили профессору госуниверситета ознакомиться с материалами рассмотренного этим судьей уголовного дела.

⁵ Там же. С.172.

⁶ Там же. С.136.

Позже мне не раз приходилось сталкиваться с резко негативным отношением к экспертно-правовым заключениям, подготовленным по материалам уголовных дел, в которых давалась бы оценка качества работы тех следователей, работников органов дознания и судей, на серьезные ошибки в работе которых было обращено внимание. И дело даже не в том, что современные следователи, прокуроры, судьи, следуя сформировавшейся традиции, просто не желают никого допускать «*в сферу своей компетенции*», а в том, что, отказываясь от квалифицированной помощи, они оказываются, порой, не в состоянии выполнять свои функции на высоком профессиональном уровне. Имея дело с живыми людьми, некомпетентные служители правосудия, способны сломать не одну судьбу, прикрываясь «ширмой», которая была в свое время создана в отечественном правосознании. Установив барьер для обращения к специалистам в области права за получением процессуально значимых заключений, следственная, экспертная и судебная практика не только в значительной мере утратила способность к самооценке, но и оказалась неуязвимой для оценки со стороны ученых или более опытных практических работников.

Между тем, только по материалам уголовного дела можно судить, каким арсеналом располагал субъект судебного исследования, какие действия были им предприняты для выяснения обстоятельств события преступления, насколько правильно и квалифицированно этот арсенал был использован следователем, дознавателем и другими участниками уголовного процесса, чтобы преступление можно было считать раскрытым, а истину установленной. Именно ошибками в выборе познавательных средств, неправильным или неквалифицированным их применением (а порой и злым умыслом), чаще всего обусловлены претензии к собранным в ходе раскрытия и расследования преступлений доказательствам. Поэтому материалы уголовного дела, характеризуя качество проведенной на предварительном следствии работы, важны не только для ее оценки на последующих этапах судопроизводства - в кассации и или в надзорном производстве, но и для выявления допущенных злоупотреблений. Выработка заведомо неправосудных решений происходит, вероятно, по законам, отличным от принятия ошибочных. Причины, последствия и признаки «заказных» решений, надо полагать, иные, нежели признаки просто некомпетентных и непрофессиональных. И они могут быть диагностированы, распознаны по имеющимся материалам уголовного дела.

Информация, содержащаяся в этих материалах часто, однако, бывает, недоступна для общественного контроля и научной оценки, поскольку в силу за-

кона уголовные дела вправе анализировать с юридическими последствиями только уполномоченные на то лица: руководители следственных подразделений, прокуроры, суд. Отчасти защитники и адвокаты. Увы, но провозглашаемая официальными лицами идея «прозрачности» правосудия в сфере уголовного судопроизводства все еще остается лишь благим пожеланием. И поэтому за ширмой «тайны следствия» легко спрятать даже самые вопиющие нарушения закона, в основе которых лежат и некомпетентность, и коррумпированность правоохранительной и судебной системы. Легализация экспертно-правовых оценок материалов уголовных дел сведущими лицами могла бы стать одним из эффективных способов и распознавания, и профилактики таких явлений в сфере уголовного судопроизводства. Перспектива стать объектом профессиональной оценки способна остановить многих из тех следователей, прокуроров или судей, кто сегодня готов за деньги, в угоду власти или по иным мотивам принимать решения, противоречащие и закону, и справедливости, и совести. Хочется надеяться, что практика обращения участников уголовного процесса к специалистам за разъяснением возникающих юридических вопросов на уровне независимых экспертно-правовых оценок качества расследования и разрешения уголовных дел не только не будет восприниматься как посягательство на исключительную компетенцию тех, в чьи обязанности входит принимать решения по уголовному делу, но и получит достаточно широкое распространение. Ибо ничто уже не может лишить человека, чьи права окажутся попранными, обратиться за квалифицированной помощью не только к профессиональным защитникам, но и к независимым экспертам для объективной оценки деятельности органов правосудия.

Такая уверенность небеспочвенна, ибо с принятием в 2001 году нового уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации уже можно говорить о создании нормативной базы для расширения форм использования в уголовном судопроизводстве специальных познаний, в том числе и знаний специалистов в области правовых наук, способных профессионально оценить качество работы следователей, прокуроров, судей по конкретному уголовному делу.

Насколько исследование материалов уголовных дел может быть полезным для выяснения законности и справедливости вынесенных судебных решений, я надеюсь, лучше судить не по итогам теоретических рассуждений, а по содержанию самих научно-консультативных заключений о качестве раскрытия, расследования преступлений и судебного разбирательства дел. Этот путь гласного обсуждения итогов работы правоохранительных органов и суда может, на

мой взгляд, стать и эффективным способом противодействия коррупции, а, возможно, и восстановления утраченного профессионализма сотрудников правоохранительной и судебной системы. Насколько это так, легче понять на примере анализа одного из наиболее резонансных уголовных дел последних лет, получившего название «Дело Макарова», расследование и рассмотрение которого сопровождалось, на мой взгляд, принятием целого комплекса заведомо неправосудных решений. Подготовленные мною заключения⁷ по данному уголовному делу и стали основой для предлагаемой читателю книги.

Часть первая. ПРИГОВОР.